

Изначально Ван Цзюнь зашёл в комнату, чтобы взять своё оружие, но едва переступил порог, как увидел, что Вэнь Жунь, сонный и с закрытыми глазами, прямо-таки летит ему в объятия... Ван Цзюнь был на целую голову выше Вэнь Жуня, и хотя в армии его фигура не считалась особенно мощной, всё же он был заметно крепче и плотнее своего друга.

Мягкий и расслабленный Вэнь Жунь врезался прямо в него, заставив Ван Цзюня поспешно подхватить его:

— Ты чего? С тобой всё в порядке?

— А? — Вэнь Жунь поднял голову, прищурившись. — А, да ничего... Просто иду умыться.

— Умывальник вот здесь, — с улыбкой и лёгким раздражением Ван Цзюнь развернул его в нужную сторону. — Иди.

Вэнь Жунь, всё ещё в полусне, добрёл до умывальника, плеснул себе в лицо воды, немного пришёл в себя, вытерся и выпил полстакана воды — только тогда окончательно проснулся.

Он тут же схватил чайник и пошёл заваривать чай в заднюю часть дома, после чего поставил заваренный чайник в кабинет.

Зайдя в кабинет, он обнаружил, что Лян Эр и остальные все спали в восточной комнате, а на кане в западной комнате — внешней части дома — никто даже не ложился.

— Вы чего? Почему все ютитесь в восточной комнате? — удивился Вэнь Жунь, увидев, что постельные принадлежности в западной комнате даже не тронуты.

— Да уж больно чисто и опрятно у тебя в комнате, — объяснил Лян Эр. Они давно уже проснулись и прибрались, но всё равно сидели в комнате, не решаясь выходить, да и в соседний кабинет тем более не смели заглядывать. — Мы же простые воины, как мы можем в твой кабинет заходить!

Для них кабинет был чем-то священным и запретным. Они ведь не умели читать и писать — боялись случайно задеть какую-нибудь книгу, уронить её на пол, а потом даже не знали бы, куда её обратно поставить.

— Да кабинет — это просто комната! — Вэнь Жунь рассмеялся, не зная, плакать ему или смеяться. — Ладно, выходите уже! Скоро завтракать будем.

— О, хорошо!

Только после этого все вышли из комнаты, хотя некоторые всё ещё с любопытством косились

на кабинет Вэнь Жуня.

Взглянув туда, они увидели лишь ряды книжных шкафов, плотно заставленных томами. Из глубины комнаты доносился лёгкий аромат чернил, от которого у неграмотных солдат даже голова закружилась.

Завтрак оказался очень сытным: яичные лепёшки с лёгкими закусками и соевое молоко.

После еды каждому выдали по пять больших мясных булочек, аккуратно завернутых в чистую белую ткань — на дорогу. Затем Ван Цзюнь приказал своим людям связать пойманных разбойников и вести их в уездный город Юннин. Мёртвых бандитов тоже следовало взять с собой — нести в город.

Если идти пешком, то в город они доберутся лишь к вечеру.

Даже если выйдут очень рано, всё равно опоздают к обеду.

Поэтому мясные булочки должны были заменить им обед в пути.

Что до пленных разбойников — им снова дали по миске соевого молока и всё. Еды им не дали вообще.

Только на соевом молоке они точно не убегут: это состояние постоянного чувства голода — когда и не голоден, и не сыт — было мучительным и лишало сил.

На этот раз Вэнь Жунь тоже поехал с ними — в повозке, запряжённой лошадей. Вozил его Лю Саньэр.

Дедушка Чжан и дядя Ян тоже правили своими телегами.

Вэнь Жунь уже тщательно записал, кто из жителей Ляньхуаао участвовал в отражении набега разбойников, кто кого схватил, кто убил бандитов и так далее — всё это были заслуги, достойные награды.

То же самое касалось и отряда Ван Цзюня: среди семидесяти шести человек они захватили 35 живых разбойников, убили 18, пятеро бандитов получили тяжёлые ранения, а пятнадцать — лёгкие.

Если всё это правильно распределить, то каждый участник получит свою долю заслуг.

Однако Ван Цзюнь и его товарищи не умели читать и писать. Вэнь Жунь боялся, что их

начальство может просто присвоить себе всю славу, поэтому взял с собой маленькую записную книжку и отправился вместе с ними в уездный город.

Правда, ехать в повозке было удобно, но как-то неловко получалось: все остальные шли пешком, а он один сидел в коляске.

Но Ван Цзюнь настоял:

— Ты с нами не пойдёшь. Мы привыкли ходить маршем, а тебе это не под силу.

Вэнь Жунь и правда выглядел типичным хрупким книжником — как он мог топтать вместе с солдатами?

На повозках дедушки Чжана и дяди Яна везли тех из товарищей Ван Цзюня, кто получил ранения в ноги и не мог идти пешком.

А пятерых тяжелораненых бандитов, конечно же, заставили нести самих разбойников — неужели солдатам тащить их? Или, может, доверить это повозкам мирных жителей?

Да не бывать этому!

— Но ведь все идут пешком, а я... — Вэнь Жунь всё ещё чувствовал неловкость: не слишком ли он выделяется?

— Господин, вы уж сидите спокойно в повозке! — сказал Лю Саньэр. — Я пойду рядом с лошастью, если надо — скорость всё равно не будет большой. Доберёмся до города, там и посмотрим.

— Слушайся, — Ван Цзюнь мягко, но твёрдо усадил Вэнь Жуня обратно в повозку.

Коляска Вэнь Жуня и правда выглядела не как простая деревенская телега — она была удобной и даже роскошной. Такое средство передвижения явно предназначалось именно для него.

Так Вэнь Жунь и следовал за отрядом. Когда они подошли к городу, сделали привал и пообедали — опять теми же мясными булочками. Разбойникам, как обычно, ничего не дали.

Ну, разве что каждому влили по несколько глотков воды.

Отдохнув как следует, отряд двинулся дальше.

Вэнь Жунь на обед съел всего одну булочку — ему хватило, ведь у него с собой были чистые фрукты.

Во время привала Лян Эр получил приказ — он с несколькими товарищами сразу же отправился в город, не теряя ни минуты.

После возобновления пути Вэнь Жунь заметил, что Ван Цзюнь и его люди перестали улыбаться.

Все лица стали серьёзными, строй больше не был разболтанным — отряд теперь выглядел гораздо внушительнее и дисциплинированнее.

У городских ворот их уже ждали — это был военный, знакомый им: канцелярист Лу Фэн.

— Лян Эр мне всё рассказал. Отлично, превосходно! — сказал Лу Фэн. — Всех пленных отправьте в лагерь за городом. Вы и сами неплохо прибрались — идите туда же. А что до десятника Ван Цзюня — ты со мной. Генерал ждёт тебя в уездной управе.

Он похлопал Ван Цзюня по плечу:

— Господин Синь Мин сказал, что Ляньхуаао — твоя родина, так что солдатам входить в деревню не возбраняется. Пусть считают, что сопровождают тебя в триумфальном возвращении домой.

Ван Цзюнь вежливо сложил руки в поклоне:

— Так точно! Благодарю генерала за понимание.

Вэнь Жунь тоже вышел из повозки и поклонился канцеляристу Лу Фэну:

— Не виделись несколько дней, а вы, господин Лу Фэн, стали ещё внушительнее!

— А вы, господин Вэнь, всё более талантливый! — Лу Фэн поспешно ответил на поклон. — Ну же, в город! Не будем заставлять генерала ждать.

Группа тут же разделилась: одни направились в город, другие — в военный лагерь.

Вэнь Жунь снова сел в повозку и на этот раз потянул за собой Ван Цзюня. За ними следовали повозки дедушки Чжана и дяди Яна с ранеными.

Всё-таки они участвовали в бою — ранения должны быть замечены и зафиксированы.

К тому же в городе была аптека: можно будет осмотреть раны, перевязать их заново и купить немного мази от ран.

Войдя в город, компания снова разделилась: одни пошли лечить раны и отвозить пострадавших в аптеку, а другая группа направилась в уездную управу.

Управа выглядела по-прежнему.

Они беспрепятственно прошли через главные ворота и направились прямо ко вторым воротам, потом — к третьим... Ван Цзюнь, вероятно, впервые оказался в управе и чувствовал себя неловко. Простые люди от природы боялись чиновничьих учреждений — даже мимо управы обычно не ходили, чтобы не навлечь на себя беду.

А тут они прямо-таки устремились внутрь: сначала вторые ворота, потом третьи... Куда же их ведут?

Вэнь Жунь уверенно тянул Ван Цзюня за собой:

— Идём. Нас точно не поведут в главный зал.

Главный зал использовался для судебных разбирательств.

Второй зал — для повседневных дел.

А третий зал, хоть и тоже служил для работы, обладал куда более торжественной атмосферой.

Действительно, войдя в третий зал, их провели в очень изящную комнату, которую Вэнь Жунь уже посещал.

Да, это была та самая «Халу Шутан» («Зал смиренного восприятия»), где он бывал раньше.

Всё выглядело почти так же, разве что теперь здесь стало заметно изящнее — интерьер уже не напоминал пустую, белую, как снег, пещеру.

Хотя и не стал чересчур роскошным.

Перед ними сидели двое.

Один — господин Синь Мин, которого Вэнь Жунь хорошо знал.

Второй — средних лет мужчина в доспехах.

Он сидел прямо, с величавой осанкой, в полном боевом облачении.

У него были густые брови, большие глаза и квадратное, «государственное» лицо. Взгляд его был полон воинской доблести, хотя и смягчался пышной, несколько буйной бородой.

На нём были доспехи «шаньвэнь кай» — «горные доспехи», где каждая пластина имела форму иероглифа «шань» («гора»).

Способ крепления пластин был особенным — так называемый «метод переплетённых пластин»: пластины зацеплялись друг за друга, образуя прочную, гибкую броню без единого гвоздя или шнура.

Вэнь Жунь знал один слух: если пластины изготовлены идеально ровно и точно, такую броню можно собрать целиком вообще без единого гвоздя и без единой нитки.

Правда ли это — неизвестно. В прошлой жизни он видел подобные доспехи в музее — их было несколько разновидностей.

Но никто, конечно, не осмеливался разбирать такие артефакты: а вдруг не получится потом собрать обратно?

Говорили также, что комплект «шаньвэнь» с кольчужным поддоспешником и шлемом «сяньчжэнь доумоу» — стандартное снаряжение полководца.

Однако из-за особой формы пластин «шаньвэнь» воссоздать такую броню представляло собой чрезвычайно сложную задачу.

Вэнь Жуню тоже хотелось попробовать собрать подобные доспехи, но у него, конечно, не было столь ценного артефакта для экспериментов.

Тем не менее, «шаньвэнь» обладал рядом достоинств: эстетичный внешний вид, удобная посадка по фигуре, лёгкость в ремонте и высокая общая защита.

Из-за сложности изготовления и высокой стоимости такие доспехи чаще всего носили военачальники и элитные императорские гвардейцы, а среди рядовых солдат они почти не встречались.

Этот генерал, похоже, командует тыловым лагерем?

Интересно, что генерал тылового обеспечения облачён в столь редкие и дорогие «горные доспехи»...

А если припомнить, что Ван Цзюнь и его товарищи — всего лишь повара из полевой кухни — вдруг оказались вооружены до зубов, причём у них имелись и мечи, и копья, и алебарды, и даже мечи-цзянь... Вэнь Жунь почувствовал: здесь явно пахнет чем-то гораздо более глубоким и запутанным!

Он лишь мельком взглянул на генерала, но уже уловил столько деталей, что невольно выдал это выражением лица.

Господин Синь Мин слегка прокашлялся:

— Позвольте представить: Вэнь Жунь, это генерал Дун Хао из Шаньнаньского лагеря.

— Генерал Дун Хао, а это наш уездный цзюйжэнь, Вэнь Жунь, также известный как Вэнь Жунь Юй, — представил Синь Мин друг другу.

— Вэнь Жунь кланяется генералу Дун Хао, — Вэнь Жунь вежливо и с достоинством поклонился.

Генерал Дун Хао встал. При этом его доспехи тихо звякнули — «шурш-шурш» — и он, громогласно ответив, сложил руки в воинском приветствии:

— Солдат Дун Хао кланяется господину Вэнь! Благодарю вас за доставку продовольствия нашему Шаньнаньскому лагерю, а также за гостеприимство, оказанное моим недостойным подчинённым!

— Не стоит называть их «недостойными», — серьёзно возразил Вэнь Жунь. — Вы ведь знаете, каковы мои отношения с Ван Цзюнем. Его боевые товарищи — для меня родные люди. Когда к тебе домой приходят родственники, разве это «гости»? Это семья! А даже если бы и не было такой связи — разве мы, жители Ляньхуаао, могли бы спокойно сидеть, пока ваши солдаты, рискуя жизнью, защищают нас от разбойников? Да, они — солдаты императорской армии, и это их долг. Но они же и наши спасители, вырвавшие нас из огня и воды! Разве несправедливо предложить им глоток прохладного бобового отвара или кусочек домашней яичной лепёшки?

— Прекрасно сказано! — глаза Синь Мина засветились. — Они и солдаты государства, и спасители народа, и наши родные!

Вэнь Жунь вовремя подал свои записные книжки:

— Господин Синь, вот здесь — подвиги жителей Ляньхуаао в борьбе с разбойниками.

И вторую — генералу Дун Хао:

— Генерал Дун, здесь — боевые заслуги десятника полевой кухни Ван Цзюня и его подчинённых в поимке опасных бандитов. Прошу ознакомиться.

Оба чиновника — один гражданский, другой военный — взяли книжки и открыли их.

Хотя тетрадки были совсем небольшими — всего несколько страниц, — записи в них были аккуратными и чёткими. Там значились имена жителей и солдат, а также имена пойманных или убитых разбойников. Между ними проводились линии, показывающие, кто с кем действовал.

Например, у Ляо Лаода и дяди Яна была общая линия: они вместе ранили одного бандита в руку. Кроме того, каждый из них по отдельности ранил ещё по одному разбойнику.

В записях же про Ван Цзюня и его отряд значилось в основном «убито» — ранения чаще всего приводили к смерти или тяжёлой инвалидности.

Вэнь Жунь прекрасно понимал: для военных заслуги считаются именно по числу убитых. Это — язык армии.

А вот простым людям следовало быть «добрее»: нельзя же, чтобы мирные жители повально убивали разбойников! Поэтому в записях о жителях убийств было мало, и даже одно убийство всегда приписывалось сразу трём-пяти людям.

Нужно было показать: вот, простые крестьяне, безоружные и беззащитные — даже чтобы убить одного бандита, им пришлось объединиться группой!

Если бы оказалось, что каждый житель Ляньхуаао сам по себе способен уничтожить разбойников, то даже такой прямодушный чиновник, как Синь Мин, начал бы ночами не спать от тревоги.

Поэтому в записях была небольшая «корректировка». Но никому это не мешает — лишь бы выдали награду.

Жители Ляньхуаао не жадничали: у них теперь была надежда на лучшую жизнь, и что бы ни дало правительство — хоть немного, хоть много — они с благодарностью примут.

Что до Ван Цзюня и его товарищей — они и подавно не станут спорить о распределении воинских заслуг. Они даже считать толком не умеют, не то что разбираться в таких тонкостях.

Поэтому все слушались Ван Цзюня: что скажет он — то и будет.

Именно поэтому Вэнь Жунь и взял всё в свои руки: даже если они сами ничего не запомнят, он уже всё чётко рассчитал и записал за них.

Чиновники долго рассматривали книжки. Особенно их поразило, что каждая запись подтверждена отпечатком большого пальца.

Солдаты и крестьяне не умели писать, но умели ставить отпечатки.

Это означало: всё здесь — правда, все участники прочитали записи и согласны с ними.

— Отлично, превосходно! — генерал Дун Хао захлопнул тетрадку. — Ван Цзюнь, ты молодец! Ты отлично справился! В этот раз тыловые силы отвечали за внешнее преследование, и твой отряд был первым и самым эффективным. Не ожидал, что в моих рядах окажется такой талант!

— Генерал преувеличивает, — Ван Цзюнь оскалил зубы в улыбке. — Просто эти негодяи направились прямо в мою родную деревню! Я был вне себя от тревоги. Лучше уж я их поймаю у себя дома, чем позволю им дальше грабить других. Да и защищал ведь родных и близких.

При этом он специально бросил взгляд на Вэнь Жуня.

Тот ответил ему такой же зубастой ухмылкой.

Генерал Дун Хао громко расхохотался:

— Ха-ха-ха! Отлично! Даже десятник из полевой кухни в моём тылу сумел поймать столько ускользнувших бандитов! Похоже, передовые войска действительно застряли в болоте! Хм!

И вдруг его лицо стало серьёзным, смех мгновенно сошёл на нет.

<http://bllate.org/book/15642/1398113>